

О русской печке с поклоном

(сказка)

Вот решила я, деточки, мальчики и девочки, потешить вас волшебной сказкой: есть в ней дива дивные и чудеса чудные, а есть и правда чистая, не придуманная.

Жил да был в одном северном городе Данила, со своею женой и любимой дочерью, Надеждой, большой деушкой. Как все родители на свете, считали они, что доченька у них красы несказанной - настоящая ягодка, и по уму - волшебница. Оно почти так и есть, потому, как всё самое лучшее, что в родителях было, девочка в себя вобрала, особенно главное – чистоту души, доброту, любовь, разум и трудолюбие.

Сам Данила появился на свет Божий лет пятьдесят назад и вырос в деревне, где раньше жили его родители. И с тех пор каждое лето уезжал мужичок в родную деревню, потому как, хоть и был он теперь городским жителем, да сердце его навеки осталось там, где родился. Дочка Надя тоже постоянно наведывалась в деревню: помогала отцу содержать избу в чистоте, копать огород, сажать овощи, ухаживать за ягодными кустами и яблонями. Данила потихоньку учил её всякому деревенскому труду и был счастлив, что есть у него помощница и наследница. Учил, да видать, не всему ещё выучил...

В середине апреля старая изба Данилы очнулась от зимнего сна, зевнула, шевельнув почерневшими от времени брёвнами, подставила бока солнечным лучам и, обращаясь к верной подруге, русской печке, проскрипела:

- Ахти, весна пришла, и как всегда, неожиданно! Лето красное на носу, а меня словно в старой телеге по разбитой дороге возили, все брёвнышки растрясли! Вот-вот хозяин с Надеждой приедет, надобно к встрече готовиться, а у меня не у шубы рукав: сама сырая стою и наглые галки прямо в твоей трубе гнездо устроили!

- И не говори, девка, - проворчала печка, – галки-ти, мало того, что дымоход старым тряпьем да веткам завалили, ещё и крышу нашу обгадили. А я зиму в холоде да в сырости промаячила, дак местами глина обвалилась, вся трешшынами пошла и побелка потемнела. Не забыть бы, хозяину показать! Помню, в давние времена, когда тебя только-только поставили, сложил меня самолучший в районе печник, хороша я получилась – большая, горнило для топки объёмистое, под ровный, вместительный: дрова на нём славно горели, все корчаги и горшки размещались, а когда и хлеб на поду пекли. Свод у меня высокий был, так что при желании во мне вместо бани помыться можно было. Баню-то, хозяйева топили только по праздникам, когда много родни собиралось. Ниже свода печник устье сделал, а перед устьем шесток для посуды изладил. Эх, давно уж того мастера нет на белом свете! А я всё стою, никому не нужная. - Тут печь помолчала, тяжело вздохнула и добавила, - да, подруга дорогая, в прежние-то времена веселее жилось!

- Что и говорить, - в тон ей ответила изба, - Я в те поры тоже ладная была, из сосновых брёвен сложенная, большая, крепкая. А как же иначе, в доме - семеро по лавкам: бабка, дед, отец, мать и трое детей, дочь и два сына. Нынешний хозяин, Данила - их младший сынок. И деревня живая была, великая: ну-ко, семьдесят изб рядами на взгорке у реки стояло, людей полно! Все работали в колхозе и в каждом доме свою скотину держали. Как сейчас помню, у меня в подклети корова Малька стояла, меньше двух ведер молока в день не давала! Всей семьёй его пили, на кашу хватало, да ещё сметану, творог из него делали и масло сбивали.

- Правду баешь, избушечка! У меня тогда работы полно было. Ни вовек я не простаивала: и тепло хранила, и еду готовила, людей кормила, и скот в сытости содержала. А другой работы, сколько исполняла, не перечесать: стирала, сушила и хозяев с детками лечила да утешала! Специальных машин тогда ещё не придумали, а руками на всю семью не настираешься, дак хозяйка вечером в корчаге щёлоку наведёт, бельё положит, да и в меня поставит, смотришь к утру всё чистое, остаётся только прополоскать. Если кто простынет, али косточки заноят, первым делом ко мне на лежанку клали и тёплым одеялом да сверху тулупом укрывали - больной-от пропотеет хорошенько и на другой день уж здоров, бегаёт как новенькой. А сколько слёз на моей тёплой спине выплакано было - дитя ли прибежит с обидою, али девка о неразделённой любви плачет, я выслушаю, согрею и утешу! И во всех-то делах я с хозяйкой ладила, а она со мной: кажон день, встанет до свету и первым делом ко мне – огонь разводить.

Очень любила я те минуты, когда тепло разливалось по моим кирпичикам, огонь горящих дров золотил лицо и руки хозяйки, весёлыми искрами отражался в её добрых глазах. Утром, не успеет кошка умыться, а мы с ней уж хлопочем, за нами весь дом пробуждается и с зарёю поднимается новый день...

Вдруг, на полке у окна кто-то вежливо кашлянул:

- Кхе-кхе, прощения просим, а не забыла ли ты, дражайшая печка, своих верных помощников? Это я, чугунок, от имени всей кухонной утвари, в шкафу упрятанной да по наблюдникам расставленной, говорю! Помнишь ли, матушка, как бывало, прогорят дрова, ты накалишься, и цельной-от день до вечера потихоньку полегоньку остываешь, тепло людям, пишшэ и дому отдаёшь. Хозяйка сначала разберётся с нашим братом, посудой: возьмёт пару корчаг и поставит воду греть, скоту пить да корм запаривать. А пока ты, печка, с ними управляешься, она наладит глиняный горшок с молоком для каши на завтрак; один чугунок - для щей на обед, а второй - на ужин, с чем Бог послал. Унесёт хозяйская дочь корм и подогретую воду скоту, хозяйка пошурует в тебе кочергой, отодвинет в сторону, оставшиеся от прогоревших дров уголья, и поставит все чугунки и горшки в топку, тут мы вместе с тобой и примемся кашеварить!

При этих-то словах, боясь, что про неё забудут, с наблюдников да из кухонного шкафа попрыгала к печке вся остальная посуда. Такой шум и гам начался, что ни в сказке сказать, ни пером описать: чугуны с корчагами, крынки со сковородками в пляс пустились, а противни деревянными ложками себя по груди в такт пляшущим бьют. И рогатый ухват с деревянной лопатой (садником) обнялися на радостях и словно часовые встали у шестка, готовые печке служить, а совок с помелом на шесток взобрались, высматривают, нет ли где золы, чтобы её собрать и в ведро снести.

- Как же мне не помнить вас, славные помощнички?! – Воскликнула печка, - без вас я, что хозяйка без рук! Мы же по все дни вместе трудились, не жалея сил, а потому в избе всегда хватало тепла, света, пищи, внимания и любви! То-то и уважали нас все!

- Особенно тебя, дорогая печка! – Воскликнул чугунок, - помню, тогда такой обычай был: чужие люди, зайдя в избу, первым делом на икону крестились, а потом прикладывали к тебе руки: уважение хозяевам и дому через тебя оказывали, дескать, мы с добром к вам пришли! А, если чужака приглашали поспать или посидеть у тебя на тёплой спине-лежанке, то уж он навсегда

становился своим, почти родственником! В те времена называли тебя матушкой, кормилицей, при тебе и грязное слово проронить не дозволялось, говорили: «Не бранись – печь в доме!»

Тут старая корчага к печке подкатилась и с почтением спросила:

- Правда ли, лгут ли, благодетельница, что нынешние городские печки малы, и будто делают их из железа, а хозяйкам от них нельзя отлучаться, не то что-нибудь сгорит, али выкипит?

- Чистая правда, милушка, от самого Данилы слыхала! – воскликнула печь. – Он ещё сказывал, что эти самые железяки, как из них огонь-то уберут, сразу остывают. Знать, немного в них проку, то ли дело мы – кирпичные русские печи - с утра до вечера всю еду в тёплом виде сохраняли, пища не горела, не выкипала, а только упревала и через то становилась вкуснее и полезнее. Ну, очень все любили мои томлёные щи, картошку с мясом да пироги-рыбники – до сих пор в городе вспоминают, а как хозяин сюда приезжает, так и сам со мной управляется, щи-борщи варит, у своей матушки ещё подростком научившись. Правда, кроме щей и картошки ничем похвастать не может.

- А у меня вопрос к лопате имеется, - прогремел жестяной противень, - что-то ты у нас, лопатушка, всё молчишь, скромничаешь, а ведь тоже каждый день рОбила, и не только хлебы с пирогами в печь садила да вынимала. Молви слово, голубушка, порадуй друзей доброй памятью.

- Задумалась я, братцы, воспоминания нахлынули, вас слушаючи, - улыбнулась лопата, - у меня и в самом деле окромя прочего была ещё одна забота, о которой люди давно забыли, и из вас разве что противень помнит. А дело бывало так: в старину женщины рожали дома, повитуха принимала новорождённого младенца, обмывала его в тёплой воде у печи, свивала в кусок льняной ткани, укладывала на меня и на несколько минут отправляла в тёплую топку. Там в темноте и тепле младенец чувствовал себя безопасно как в материнской утробе, открывал глаза и постепенно привыкал к тому, что вышел в новый мир, где ему предстояло жить отдельно от матери. Сказывают, что в каждой деревне был свой дурачок, больной на голову человек, которого называли «недопёком» и говорили о нём, что его после рождения не додержали (не допекли) в печи...

В самый разгар этого необычайно интересного разговора, снаружи на двери загремел замок. И сразу же в избе наступила глубокая тишина, только печка последнее слово успела сказать:

- Быстро по местам, ребята, хозяйская дочь, Надежда, прибыла!

В мгновение ока, вся посуда как по волшебству, встала туда, где раньше стояла.

Надя вошла в дом, обвела взглядом печь, горницу, подслеповатые окошки, поставила на лавку сумки с вещами и молвила:

- Здравствуй, милая изба, здравствуй, матушка-печка, вот я и дома, а скоро и батюшка приедет.

Сказала и прижалась к холодной печи руками и щекой, словно родного человека обняла и приголубила. Потом сняла куртку, увидела веник-ометалочку в углу и обмахнула пыль с печных боков, шестка да лежанки; взяла в белы рученьки вёдра, принесла водицы из колодца, вымыла полы, протёрла окошечки, самовару щёки песочком начистила. Протянуло красное солнышко руки-лучи в умытый дом, позолотило сосновые стены, засияли от радости оконные стёкла и самовар, даже старая изба приосанилась. Тем временем Наденька с устатку присела на лавку и задумалась.

И случилось тут чудо – заговорила, с нею печка человеческим голосом:

- Что сидишь, красна девица, пригорюнившись, что головушку повесила?

Наденька такому повороту дела, как ни странно, даже не удивилась и ответила, будто всю жизнь только и делала, что с печами разговаривала:

- Как же мне не горевать, милая печка, собирался батюшка нынче вечером тебя протопить, чтобы избу согреть и высушить, очень уж здесь сыро да холодно, для житья непригодно, а сам запаздывает. И захотелось мне отцу любимому помочь, сердце его порадовать, но не знаю, как к делу подступиться, за что взяться: никогда я досель русскую печь не тапливала.

Говорит, а про себя думает: «И откуда это я слова такие дивные, незнакомые беру?!» А печке в радость, что современная девушка по-старинному баять умеет, видно в детстве ей много старых русских сказок и былин мама читала, и утешает она Надежду:

- Не кручинься, девица, не печалься, славная, за доброту твою и ласку, за любовь к отцу и к нашему дому, помогу я тебе в этом деле вместе с моими друзьями. Печь топить - дело, хоть и не хитрое, да тебе по-первости может мудрёным показаться.

И призвала она на помощь своих послушных подручных: кочергу, ухват да лопату, поручивши им, всё как есть Наде объяснить и в деле пособить. Встали они около шестка, ухват и говорит:

- Подойди, девонька, к нам ближе и скажи, что ты видишь пред собою?

Надя подошла к нему и молвила:

- Вижу лицо печки, высокий белый лоб, а под ним широкий полукруглый рот, закрытый железной крышкой с ручкой посередине. Крышка стоймя стоит и на подбородок опирается.

- Молодец, голубушка, всё, что надо увидела! А теперь запомни, лоб печной называется – «челом», полукруглый рот – «устьем», через него всё, что нужно, в печку входит. Крышка называется «заслонкой», она закрывает вход в устье, которое заканчивается «горнилом», а подбородок тот – «шесток». Когда печь собираются топить, через устье в горнило закладывают дрова и растопку.

- А где дрова брать? – Поинтересовалась Надя.

- Как говорится, «во дворе трава, на траве дрова» - у забора поленница стоит, там колотые берёзовые поленья сложены. Надо принести сюда две охапочки, не меньше, потому как в русскую печь дрова не подкладывают - за один присест протапливают с тем умыслом, чтобы жар от углей держался как можно дольше.

Сходила Надежда во двор, принесла две охапки поленьев и вопросительно посмотрела на своих «учителей». Дальше объяснять девушке, что делать, взялась лопата:

- А теперь, Наденька, отодвинь в сторону заслонку, просовывай поленья по одному через устье в горнило и укладывай их посередине пода, колодцем, а сверху остатние полешки шалашиком клади. Смотри, берёзовую кору для растопки под первое полено снизу подсунь. Да не забудь на левом боку печи открыть заслонку и выюшку, чтобы дым с угарным газом в избу не шли, а вылетали в трубу. А в конце поднеси к растопке зажжённую лучину. Всё! Ну, как, горит?

- Горит, лопаточка, ещё как горит, пламя сразу занялось и охватило дрова снизу вверх. Так быстро горит, что ветер в печи гудит! – Воскликнула Надя.

- Значит, ты всё правильно сделала, молодец! – сказала лопата.

- Ах, как хорошо: тепло по кирпичикам пошло, скоро накалюсь и всю избу согрею, - прошептала печка, - а ты, Надюшка, как дрова прогорят, сгребви уголья в кучку, посмотри, чтобы ни огонька не осталось, чтобы только красные угли мерцали. Потом закрой вьюшку, задвижку и поставь на место заслонку, да ложись отдыхать: утомилась, поди, с непривычки-то.

Так они и поступили. Надя выполнила всё, что ей сказано было, потом прилегла на кушетку рядом с печкой, а ухват, лопата и кочерга молча, вернулись в свой уголок. Девушка закрыла глаза и сквозь дрёму подумала: «Чудеса: говорящая печка, деловая кочерга, умный ухват и любезная лопата. Не верится, что такое могло быть! Однако печка-то протопилась, в избе тепло! Вот батюшка удивится, когда приедет, скажет, ну и умница у меня доченька, помощница, сама печь истопила, видно, подсмотрела, как я это делаю и запомнила. И мне работы впредь меньше будет доставаться: только горшок со щами да кринку с молоком ставить на под!»

Угрелась Наденька рядом с печью и заснула крепким сном.

Тут и сказке конец, а кто слушал или читал - молодец!

20.05.2019